

Цзэлянь пребывал в некотором замешательстве.

Ему впервые довелось подарить человеку новое начало, и это сотворение жизни истощило его божественные силы почти до предела. Израненное, ослабшее тело Божества-покровителя напоминало теперь иссохшее русло реки, отчаянно жаждущее живительной влаги.

— Прости, — тихо проговорил он. — Сейчас я ничем не могу тебе помочь. Не будь столь жаден, человек. Свои аппетиты стоит умерить.

Гу Пэйань и не подозревал, что его желание уже исполнилось — пусть пока и наполовину. Почувствовав странное, едва уловимое тепло внизу живота, он мимоходом коснулся его ладонью. Впрочем, ничего особенного — должно быть, просто ужин переваривается.

Но услышав это высокомерное «не будь столь жаден», он едва удержался, чтобы не закатить глаза.

«Да вы, боги, во сто крат жаднее любого смертного!»

— Значит, вся ваша божественная благодарность — лишь пустая болтовня? — Гу Пэйань скрестил руки на груди. — Обычная работа языком.

Цзэлянь озадаченно приподнял бровь:

— Работа языком? Что это значит?

Гу Пэйань мысленно вздохнул. Тоже мне, Божество-покровитель, а элементарных вещей не знает.

— Ну... — небрежно бросил он. — Это когда ртом... хм, занимаются любовью.

О плотских утехах смертных Цзэлянь представление имел. Много веков назад он краем уха слышал, как молодые люди увлеченно обсуждали соитие, предшествующее зарождению новой жизни. Но зачем вовлекать в это рот?

Бог тщетно пытался постичь логику собеседника. Неужели человек так завуалированно намекает на чудо зачатия, которое только что свершилось в его утробе?

— Я полагал, ты сам этого жаждал, — бесстрастно отозвался Цзэлянь.

— Что?! — Гу Пэйань опешил.

«Он вообще соображает, что несёт?!»

В голову закралось сильное подозрение, что перед ним никакое не Божество-покровитель, а самый настоящий бог разврата. Похотливый и бесстыдный.

Он поспешно запахнул пальто и поднял воротник, пряча лицо почти до самых глаз.

— Даже если ты бог, — процедил он с крайней настороженностью, — не думай, что тебе позволено распускать руки.

— Можешь не беспокоиться, — так же ровно ответил Цзэлянь. — Твое тело меня совершенно не интересует.

Гу Пэйань лишился дара речи.

Такое оскорбительное равнодушие он слышал впервые в жизни.

И дело было вовсе не в раздутом эго. Гу Пэйань прославился на всю галактику еще юношей. На фан-встречах у суровых, хладнокровных генералов руки дрожали от одного лишь рукопожатия с ним, а тут...

— Кхм. — Он кашлянул, пытаясь сгладить неловкость. — Ладно. И чем же занимаются такие, как ты?

— Ничем особенным, — отозвался Цзэлянь. — Принимаем ароматические подношения, а в остальное время спим.

«Какое приземленное божество», — подумал Гу Пэйань.

— Я имел в виду другое. Что значит «Божество-покровитель»? Ты — бог людей?

— Да. Все мои подопечные когда-то были людьми, а я оберегал их кланы.

Гу Пэйань нахмурился, все еще терзаемый сомнениями. На Голубой звезде уже тысячи лет никто не жил. Откуда у этого духа взялись верующие?

Цзэлянь словно прочитал его мысли:

— Очень давно это место звали Землёй. Здесь обитали десятки миллиардов душ. Не все они поклонялись мне, но в те времена мой клан обладал великим могуществом.

Гу Пэйань окончательно убедился, что его водят за нос.

— Да во всей нашей Федерации сейчас едва наберется миллиардов десять населения.

— Вот как? — В голосе Цзэляня скользнуло любопытство. Он пристально всмотрелся в парня.
— Однако количество ароматических подношений, что окутывает твоё существо, явно превосходит эти крохи.

— Так ведь среди моих фанатов не только люди, — хмыкнул Гу Пэйань. — Мои песни слушают по всей галактике. И зерги, и кентавры... кого там только нет.

Зергов среди них было больше всего. Эти твари размножались с поистине пугающей скоростью — королева роя за считанные минуты могла отложить миллионы яиц. И по какой-то необъяснимой причине космические жуки обожали его голос. Однажды на гастролях в их секторе Гу Пэйаня едва не растерзала от восторга беснующаяся толпа хищных инсектоидов — еле ноги унес. Пользуясь случаем, он охотно поведал затаившемуся во тьме божеству о своем триумфе.

— Фанаты... — Цзэлянь мысленно примерил это слово к привычному понятию ароматических подношений. — И что же ты совершил, раз заслужил такое почитание?

— Я — звезда, — с гордостью ответил Гу Пэйань.

«Суперзвезда галактического масштаба», — скромно уточнил он про себя.

Теперь Цзэлянь все понял. Эта профессия мало чем отличалась от древнего ремесла богов, собиравших жатву людской веры. Изменилась лишь форма. Будь этот юноша божеством, его могущество не знало бы границ.

Сам же хранитель пребывал в упадке слишком долго. Ему отчаянно требовался этот источник.

— Как думаешь, я мог бы тоже стать этой... звездой? — поинтересовался Цзэлянь.

— Откуда мне знать? — Гу Пэйань попытался разглядеть собеседника сквозь непроглядную темень святилища. — Я ведь даже лица твоего не видел. А в шоу-бизнесе внешность решает все.

Боги прекрасно понимали законы красоты. Для Цзэляня Гу Пэйань был по-настоящему прекрасен — самым гармоничным созданием из всех, кого он встречал. Неудивительно, что за ним следовали миллионы верующих... вернее, фанатов.

Но соответствовал ли его собственный облик вкусам нынешней эпохи? В этом хранитель

сомневался.

— Сделай несколько шагов навстречу, — предложил он, — и ты увидишь меня.

— Еще чего, — насторожился Гу Пэйань. — Мало ли что ты за чудище. Вдруг заманишь поближе и придушишь?

Чем больше он об этом думал, тем сильнее крепла уверенность в собственной правоте. Схватив за руку робота Сяо Аня, он поспешил убраться прочь из зловещего храма.

Дождь хлынул внезапно, тяжелые капли с шумом застучали по крыше и листве. Бумажные фонари отчаянно качались под порывами ветра, их тусклый свет угасал на глазах. Но даже вымокнув до нитки, Гу Пэйань наотрез отказывался возвращаться под защиту древних сводов.

«Даже единственный оставшийся смертный не верит мне...»

В темноте раздался тихий вздох. Исполненный печали вздох божества отозвался в мире мгновенным откликом: ветер завыл тоскливее, тучи заволокли небосвод. Стая воронов застыла на ветвях в гробовом молчании, травы поникли, а распустившиеся в чаще бутоны поспешно спрятали нежные лепестки, словно соперживая этой великой скорби.

— Что ж... Тогда я сам приду к тебе.

Из глубины святилища неспешно двинулся силуэт.

Сперва он походил на причудливую марионетку: лишенное плоти тело парило в серой мгле, пронизанное мириадами багровых нитей. Из хаоса мерцающей звездной пыли ткались очертания, превращая тонкие светящиеся линии в безупречные контуры.

Божество коснулось плеч, словно стряхивая надоедливую паутину, и путы бесследно растаяли, позволяя ему наконец сойти с алтаря.

Цок... цок... цок...

Сухой стук деревянных гэта заставил Гу Пэйаня оцепенеть. Рассмотрев проступившую сквозь пелену дождя фигуру, он замер на месте, не в силах отвести взгляд.

Его взор словно приковало невидимой силой. Это существо невозможно было описать простыми словами людского языка.

Белоснежные одежды, подпоясанные широким алым кушаком с золотым шитьем. Тонкие

белые гетры и традиционные деревянные гэта. В руке он держал изящный бумажный зонт. Снежно-белые волосы обрамляли лицо, на лбу алел сложный священный узор, а глаза сияли первозданной синевой. Весь его облик дышал холодной, недостижимой чистотой горного ледника.

Сквозь дрожащие отблески гаснущих фонарей бог смотрел на смертного. Взор его, бездонный и спокойный, таил в себе вековое безразличие ко всей суете мира. Капли дождя, не долетая до его плеч, с тихим шипением отскакивали в стороны, оставляя натянутый шелк зонта совершенно сухим.

Одного взгляда хватило, чтобы Гу Пэйань отбросил последние сомнения. Перед ним стояло истинное божество. Величественное, отчужденное, словно каменное изваяние на заброшенной горной тропе, равнодушно взирающее на смену эпох.

Цзэлянь подошел ближе и слегка наклонил зонт, укрывая юношу от холодных струй.

— Осторожнее. Под таким дождем недолго и простудиться.

Они оказались совсем рядом. Гу Пэйаню почудилось, будто он улавливает тихое, размеренное дыхание бога, хотя рассудок твердил, что бессмертным воздух не нужен. Собственный пульс парня пустился вскачь.

— Ты... ты действительно Божество-покровитель?! — выдавил он, чувствуя, как сердце колотится в груди.

Цзэлянь едва заметно улыбнулся:

— Самый настоящий.

Осознание реальности происходящего хлынуло горячей волной. В голове Гу Пэйаня мгновенно закрутились мысли: упускать такую возможность было бы чистым безумием. Кому еще в обитаемой вселенной выпадал шанс встретить живое божество?

— Раз вы хотите стать звездой... вам нужны ароматические подношения, верно? — Его щеки залил лихорадочный румянец. Так чувствует себя человек, внезапно обнаруживший сундук с сокровищами прямо у себя под ногами.

Цзэлянь кивнул:

— Да. Моя связь со смертными прервалась слишком давно.

— Тогда как насчет меня? — с надеждой предложил Гу Пэйань, указывая на себя. — Мои

ароматические подношения ведь чего-то стоят? Во мне должно быть полно этого... ресурса.

— Твои ароматические подношения сильны, — согласился Цзэлянь. — Однако не так давно твои запасы опустошило иное божество. Сейчас в тебе почти ничего не осталось.

— Это поправимо, нужно лишь немного подождать! — горячо возразил Гу Пэйань.

Он прекрасно понимал свое положение «дойной коровы» для сильных мира сего — корпорации не просто так вливали в его раскрутку баснословные суммы. Пока он жив и его любят миллионы, он может генерировать эти ароматические подношения бесконечно.

— И чего же ты хочешь взамен? — тихо спросил Цзэлянь. — Сейчас я слишком слаб и не смогу исполнить твои желания.

На мгновение у Гу Пэйаня едва не сорвалось с языка: «Тебя». Но обладать целым богом — это было бы непозволительной роскошью.

Только сейчас до него дошло: та загадочная серебряная карта не была чьей-то глупой шуткой. Она была его золотым билетом! Руководством по завоеванию сердца настоящего божества... Боже, и он собственными руками выбросил её в открытый космос! От этой мысли у него внутри всё перевернулось от досады.

— Мне ничего от вас не нужно, — произнес он, сглотнув вставший в горле ком и изо всех сил стараясь скрыть дрожь восторга в голосе. — Я лишь хочу помочь вам вернуть былое величие.

Проницательный взгляд Цзэляня, казалось, зрел саму его душу.

— Зачем тебе это?

Гу Пэйань прекрасно осознавал свою роль. Для небожителей он был лишь удобным сосудом, вечным источником питания. Сильные мира сего открыто называли его «жертвенным агнцем». Но если ему суждено быть подношением, то почему он должен служить невидимым, высокомерным тварям, а не этому прекрасному богу?

— Потому что вы невероятно красивы, — искренне ответил Гу Пэйань.

— Красив? — Цзэлянь озадаченно коснулся пальцами своей щеки. — И этого достаточно, чтобы стать звездой?

— Более чем! — Гу Пэйань не упустил шанса польстить своему потенциальному покровителю. — С такой внешностью вы мгновенно завоюете всю галактику. Вам даже делать ничего не придется — ни петь, ни танцевать. Достаточно просто выйти на сцену, и мир падет к вашим

ногам.

Хвалебные речи мало трогали древнее существо, однако он уловил суть:

— Значит, лицедеи должны уметь петь и танцевать?

— Да, — подтвердил Гу Пэйань. — Ну, или хотя бы сносно играть на камеру.

Цзэлянь задумался. В его понимании подобные увеселения толпы были уделом шутов и куртизанок — занятие, совершенно не подобающее его божественной искре. К тому же он попросту не умел ничего из этого.

— Божество-покровитель, вы — высшее существо, — поспешил развить мысль Гу Пэйань. — Разве пристало вам лично ублажать публику ради ароматических подношений? Вы можете спокойно отдыхать в своих чертогах, предоставив всю грязную работу мне — вашему преданному слуге. Петь и танцевать — как раз по моей части.

— Неужели? — Цзэлянь устремил на него задумчивый взор.

— Конечно! — Гу Пэйань уверенно ударил себя кулаком в грудь. — Если не верите, могу исполнить что-нибудь прямо сейчас.

Цзэлянь, по-прежнему бережно держа над ним зонт, покачал головой:

— В этом нет нужды.

«О боги, да ты хоть представляешь, сколько стоит билет на мое выступление? — мысленно взыв оскорбленный в лучших чувствах певец. — Ну и теряй свой шанс!»

— Значит, ты действительно согласен совершать мне подношения? — уточнил Цзэлянь.

— Да, именно так! — закивал Гу Пэйань.

Божество тихо стояло под проливным дождем. На его лице царило абсолютное умиротворение.

— В таком случае отныне ты нарекаешься моей супругой.

Гу Пэйань лишился дара речи:

—... Что?!

<http://bllate.org/book/20372/2189054>